
ВОСТОК–ЗАПАД: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН В 1993–1996 ГГ.

А.С. Сафонов

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается политическая линия первой администрации Клинтона в отношении Исламской республики Иран (ИРИ). Автор раскрывает концептуальные основы подхода США, логику и характер американо-иранских отношений в условиях глобализации и становления однополярного мира после окончания «холодной войны».

Ключевые слова: США, Исламская республика Иран, политика «сдерживания», теократический режим, либерализация, ядерная программа Ирана, «экспорт революции».

Содержание политики США в отношении Исламской республики Иран (ИРИ) в первый срок президентства Барака Обамы, а конкретнее – заявления и практические шаги его администрации в ответ на действия Тегерана – показывает, что Белый дом, по сути, продолжает политику «сдерживания» Исламской республики. Политику, основы которой были заложены в предшествующий период клинтоновской администрацией. В этой связи представляется целесообразным проанализировать особенности иранского направления внешнеполитической линии США в первой половине 1990-х гг. (первый президентский срок Билла Клинтона) для лучшего понимания современных реалий и эволюции подхода демократов к выработке принципов американо-иранских отношений.

После окончания «холодной войны» регион Ближнего и Среднего Востока остался для США одним из важнейших районов мира, присутствие в котором американцам было необходимо продолжать поддерживать и укреплять для обеспечения «безопасности». При этом администрация Клинтона привнесла в традиционное понимание безопасности свое видение.

Поскольку СССР как основная угроза американским интересам перестал существовать, потенциальными агрессорами были признаны так называемые «проблемные страны» или «государства-изгои» (1). Иран входил в их число. В отношении этих государств теперь должны были применяться методы сдерживания, подобные тем, что использовались против СССР, с учетом новых международных и исторических реалий.

Из состава внешнеполитической команды президента Клинтона по уровню компетентности в вопросе формирования иранского направления внешней политики США особо стоит отметить государственного секретаря У. Кристофера и постоянного представителя этой страны в ООН М. Олбрайт.

Посол М. Олбрайт была хорошо осведомлена обо всех тонкостях американо-иранских отношений в послешахский период, поскольку работала в то время в аппарате Совета по национальной безопасности под руководством З. Бжезинского. Фундамент ее подхода к проблеме взаимоотношений США и Ирана, таким образом, был заложен именно в период исламской революции и становления новой теократической власти в этой стране.

Из этого можно сделать вывод, что постоянный представитель США в ООН исповедовала подход, по своим основным чертам характерный для демократической администрации Картера, и настороженно относилась к иранскому режиму аятолл. По крайней мере, пока у власти находились представители «старой гвардии» революционеров А. Хаменеи и А.А. Хашеми-Рафсанд-жани.

Предпочтительным объектом воздействия со стороны США М. Олбрайт виделись лояльные режиму светские элементы и наиболее умеренные, с прозападным образом мышления, духовные деятели в высших сферах политического истеблишмента ИРИ. Однако эти либеральные элементы, как и представители оппозиции за пределами Ирана, в данный период представлялись М. Олбрайт достаточно слабыми, лишенными общественной поддержки и реальных рычагов управления государством. Поэтому Вашингтону важно было в первую очередь противодействовать деструктивной политике обладающих реальной властью в Иране консерваторов.

Государственный секретарь У. Кристофер также был изначально вовлечен в процесс налаживания отношений с постреволюционным Ираном и разбирался в тонкостях формирования американской политики в отношении теократического режима этой страны.

Будучи заместителем главы внешнеполитического ведомства при президенте Картере, У. Кристофер принадлежал к числу тех, кто выступал за прагматичную и более реалистичную политику в отношении нового иранского режима, ведя переговоры об освобождении американских заложников, захваченных в 1979 г. Однако действия в соответствии с принципами прагматизма и реализма (по сути, являющиеся необходимыми условиями для эффективной дипломатической работы) при организации взаимоотношений с теократиче-

ским режимом ИРИ вовсе не исключали наличия скептической и даже откровенно враждебной личной позиции главы американской дипломатии к властям Ирана.

Став руководителем государственного департамента, У. Кристофер не отступал от своих устоявшихся взглядов. В частности, примечательно мнение главы внешнеполитического ведомства США, приведенное в материалах влиятельного журнала «Foreign Affairs», о том, что умеренных фундаменталистов не существует. Авторство статьи принадлежит специалисту по Ирану, бывшему сотруднику ЦРУ, известному под псевдонимом Э. Ширли, который, в свою очередь, отмечает, что мнение государственного секретаря «по существу верно» (2).

Первоначально внешнеполитическая стратегия США была изложена в относительно целостном общем виде в выступлении президента Клинтона на Генеральной Ассамблее ООН 27 сентября 1993 г. С точки зрения американо-иранских отношений интерес представляет акцент главы Белого дома на следующих моментах: борьба с агрессией и поддержка либерализации в странах, враждебных демократии; оказание поддержки развитию демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу. «Мы будем работать над тем, – заявил президент Клинтон, – чтобы уменьшить угрозу, исходящую от режимов, враждебных демократии, и поддерживать либерализацию в недемократических государствах, когда они захотят жить в мире с нами... Но мы всегда должны противодействовать экстремизму, который порождает терроризм и ненависть... Одним из самых первоочередных наших приоритетов должна быть атака на распространение оружия массового поражения, неважно какое оно: ядерное, химическое или биологическое, и баллистических ракет, которые могут это оружие обрушить на население, находящееся в сотнях миль» (3).

В речи президента Клинтона явно присутствует намек на теократический режим ИРИ. Поэтому озвученные главой Белого дома принципы, которыми предполагалось руководствоваться при решении проблемы, являлись фундаментальными в плане формирования политики США в отношении Ирана. Особо внимания заслуживает тезис о приоритетности борьбы американцев с распространением оружия массового поражения (ОМП), поскольку этот вопрос вскоре станет одним из стержневых в двухсторонних взаимоотношениях.

Позиция самого президента Клинтона по отношению к Ирану была внешне прагматичной. В одном из первых интервью на посту президента глава Белого дома вполне конкретно дал понять общественности, что он настроен непредвзято и не намерен руководствоваться чрезмерно жестким подходом к этой стране. «Позвольте мне сказать, – заявил глава Белого дома, – что я весьма озабочен тем, что иранское руководство становится более милитаризованным, поддерживающим, главным образом, террористические организации, или принимающим участие в небезопасной области распространения оружия массового поражения для собственного использования или передачи другим. Но мне бы хотелось, чтобы Иран вступил в семью цивилизованных наций» (4).

Упоминание о «семье цивилизованных наций» демонстрирует стремление президента Клинтона в контексте борьбы за распространение демократии по всему миру поддерживать процессы либерализации в ИРИ и намерение добиться от режима этой страны, стоявшего на пути данных процессов, максимальной приверженности западным ценностям по американскому образцу. Утверждение проамериканского правительства в Иране, обладающего всей полнотой власти, означало бы смещение вектора политики этой страны в русло проамериканского курса, поскольку иранское общество, по мнению Э. Ширли, к этому времени уже успело подвергнуться «интоксикации Западом» и, по сути, было готово к необходимым изменениям. «Америка – неопределенное, но живое, почти мистическое представление о лучшей жизни – наполнила пустоту, оставленную провалом революции 1979 г.» (5) – отмечал американский эксперт.

Достижение указанных выше целей позволило бы американцам глубже проникнуть во внутреннюю жизнь ИРИ и в определенной степени влиять на политику этого государства, как это имело место при шахе.

Подобный подход являлся в целом общепринятым для всей демократической администрации. По словам представителей государственного департамента относительно Ирана, «проблема заключается не в самом режиме этой страны, а в его поведении» (6). Форма правления для Вашингтона не принципиальна. Соединенные Штаты осознали и в определенной мере смирились на тот момент с тем, что теократический режим ИРИ, несмотря на имеющиеся экономические и политические трудности, относительно прочен и стабилен. В этой связи необходимо было добиться, чтобы этот режим не действовал в ущерб американским «национальным интересам», а наоборот, способствовал их защите и создавал необходимые условия для реализации американцами своей стратегии в отношении этой страны и региона в целом.

Иными словами, чтобы Иран как государство находился в статусе, подобном Саудовской Аравии и другим так называемым союзникам США в регионе, руководители которых выстраивают свои отношения с Вашингтоном таким образом, что возглавляемые ими государства не представляют серьезной угрозы американским позициям, но обладают достаточным влиянием для поддержания регионального баланса.

В Вашингтоне неоднократно отмечалось, что Иран традиционно являлся серьезным региональным игроком. «Иран представляет собой важное государство, – отмечал государственный секретарь У. Кристофер, – которое могло бы внести значимый вклад в интересах международного сообщества. Но вначале это государство должно отказаться от поведения, которое угрожает его соседям и ищет пути к подрыву усилий по достижению мира. Иран должен прекратить поддержку терроризма, усилия по приобретению оружия массового поражения и действия по подрыву мирного процесса (ближневосточного. – А.С.). Мы продолжим работу с нашими друзьями в регионе и другими нациями, чтобы заставить иранских лидеров понять, насколько высокую цену придется заплатить за продолжение своей дестабилизирующей политики» (7).

Заявление государственного секретаря, таким образом, подразумевало изоляцию Ирана.

Такой вариант представлялся американцам в тот момент оптимальным, поскольку, как отмечалось выше, делать ставку на либеральных деятелей в правительстве ИРИ было невозможно в силу их слабости и неэффективности. «Во время первого президентского срока Клинтона, – отмечает М. Олбрайт, – мы придерживались политики «двойного сдерживания», по сути, поставив знак равенства между Ираком и Ираном. В обеих странах правили «незаконные режимы», которые не раз нарушали нормы международного права, антидемократические и враждебные нашим интересам. Нашей политикой было изолировать их и лишить возможности разрабатывать современное оружие» (8).

Изоляция, сочетаемая с перманентным экономическим и политико-дипломатическим давлением, была необходима для того, чтобы лишить тех консервативных руководителей Ирана, которые принимали политические решения, обеспечивали и контролировали их исполнение, возможностей для деструктивной деятельности. Затем в условиях экономических трудностей попытаться добиться от руководства ИРИ уступок, ослабления его контроля над политической системой ИРИ и допуска к реальной власти либерально настроенных деятелей. «Вашингтон ожидал, – отмечал по этому поводу международный экономический консультант Дж. Амузегар, занимавший пост министра финансов во временном правительстве ИРИ в 1979 г., – что торговые и инвестиционные ограничения приведут в негодность производственную базу экономики и сократят способность Ирана поддерживать международный терроризм и приобретать чувствительное военное оборудование. Экономические трудности и ограниченные финансовые возможности деморализовали бы население и направили бы его против режима. И неудовлетворенность народа, и внутренняя политическая изоляция, надеялся Вашингтон, заставили бы задуматься клерикальное руководство» (9).

Без обеспечения необходимого уровня влияния на теократический режим ИРИ Вашингтону невозможно было контролировать и использовать политический, экономический и военный потенциал этого государства для реализации американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Поэтому администрация Клинтона была намерена добиваться перемен во внешней и внутренней политике ИРИ в направлении того, что в США называют «демократическое развитие» и «международное сотрудничество» (10).

В контексте необходимости обеспечения большей лояльности теократического режима по отношению к региональной политике США стоит рассмотреть также ретроспективное, но, как представляется, не потерявшее своей актуальности высказывание Джеймса Вулси, занимавшего в 1993–1995 гг. пост директора ЦРУ, озвученное в 2002 г. «Наш великий профессор по Ближнему Востоку – Бернанд Льюис, – отмечал Дж. Вулси, – говорит, что на Ближнем Востоке, помимо Израиля и Турции, есть только две страны, где люди на самом деле по-доброму относятся к Соединенным Штатам. Это Ирак и

Иран... Только в этих двух случаях мы проводили очень определенную политику, мы выступали против диктаторских режимов этих стран» (11).

Стоит обратить внимание на использование Дж. Вулси термина «диктаторский» по отношению к обоим режимам и отсутствие понятия «теократический» для характеристики режима ИРИ. Данный факт подтверждает, что природа режимов упомянутых государств была для Белого дома второстепенной, а на первый план выходили характер политики режимов и методы ее осуществления. Иными словами, администрация Клинтона была озабочена, как отмечалось выше, именно «поведением» иранских властей.

По своему мышлению директор ЦРУ консервативен. Об этом можно судить, несколько забегаая вперед, по тому факту, что Дж. Вулси не относил избранного в 1997 г. президентом ИРИ М. Хатами к «настоящим реформаторам» (12).

Позиция директора ЦРУ, в свою очередь, дает представление о его отношении к президенту А.А. Хашеми-Рафсанджани, который в плане «реформаторства» занимал более консервативную позицию по сравнению с его последователем М. Хатами. Отсюда можно сделать вывод, что Дж. Вулси воспринимал главу иранского правительства негативно, не делая принципиальных различий между президентом ИРИ и верховным лидером аятоллой Хаменеи. Для этого у него имелись все основания, так как умеренный, прагматичный внешнеполитический курс президента А.А. Хашеми-Рафсанджани, выступавшего за рациональные отношения с Западом, становился жестким и бескомпромиссным, когда что-либо угрожало исламской республике (13) или препятствовало защите интересов страны.

Вместе с тем упоминание Ирака и Ирана в одном контексте с Израилем и Турцией, традиционными региональными союзниками Соединенных Штатов, может свидетельствовать о том, что Дж. Вулси также усматривал важность этих стран с геополитической точки зрения. В этом плане директор ЦРУ не выделялся из команды Клинтона, воспринимая Иран и его политический режим в соответствии с общей линией Белого дома.

Неоднократно упоминаемые высокопоставленными американскими чиновниками озабоченности некоторыми аспектами деятельности руководства ИРИ можно объединить в два крупных раздела: «терроризм» и «военное укрепление». Не ставя под сомнение обоснованность озабоченностей США, в рассматриваемый период стоит отметить их преимущественно вспомогательный характер. В первую очередь подобные «угрозы» представляли собой удобный аргумент для организации политического давления на теократический режим и международной изоляции Ирана.

Готовность властей ИРИ пойти навстречу американским требованиям предполагала бы, в свою очередь, отказ от фундаментальных принципов иранской внешней политики, формируемой на базе идеологии «хомейнизма», поскольку «поддержка терроризма» и «военное укрепление» представляли собой важные, системообразующие элементы данной идеологии. Подобный отказ в случае его осознанного, целенаправленного осуществления

теократическим режимом в качестве официального политического курса, продемонстрировал бы, по замыслам Вашингтона, неработоспособность политико-теологической доктрины Хомейни, ее ущербность. Это, в свою очередь, сильно дискредитировало бы Исламскую революцию и концепцию «третьего пути». Потенциал Ирана как «центра силы» с альтернативным американскому видением мироустройства оказался бы сильно подорванным.

Представляется, что верховный лидер ИРИ аятолла Хаменеи понимал логику американской стратегии, когда с 1992 г. неоднократно официально подтверждал намерение возвратиться к более активной реализации принципа «экспорта Исламской революции», который, как известно, являлся важной составляющей идеологии «хомейнизма». Власти Ирана попытались сделать акцент на культурной составляющей этого процесса, но «сущность внешней политики осталась прежней и по-прежнему носит агрессивный характер... только под другим камуфляжным прикрытием» (14) – не без оснований отмечал по этому поводу востоковед В.А. Ушаков.

На практике это означало, в частности, продолжение поддержки исламистов по всему миру в идеологическом, финансовом и военном отношении.

Даже если допустить, что такая поддержка по своим масштабам была относительно невелика и носила выборочный характер, сам факт подобной поддержки (например, Организации Освобождения Палестины (ООП) Я. Арафата или «Хезболлы») весьма беспокоил Вашингтон, который требовал от Тегерана полного ее прекращения. Особо это было актуально и важно в контексте того, что тема палестино-израильского урегулирования была определена администрацией Клинтона в качестве приоритетного направления американской региональной политики.

Администрации Клинтона было выгодно посредством давления вынудить иранское руководство к отходу от принципов «хомейнизма», что подорвало бы его позиции внутри страны по причине ослабления народной поддержки, облегчив и ускорив процесс «либерализации» в Иране.

Реализация данного сценария позволила бы, согласно замыслу американцев, вовлечь во властные структуры Исламской республики новые, либеральные элементы.

Данный подход избавляет от необходимости свержения, демонтажа теократического режима ИРИ, поскольку качественная трансформация иранского режима с точки зрения возможностей реализации и политических рисков для США выглядит более предпочтительным вариантом. В случае прихода к власти в Иране «умеренных» элементов в рамках действующей в этой стране политической системы Соединенные Штаты получали относительно подконтрольную Вашингтону и, что крайне важно, легитимную систему. Политика «муллократии» препятствовала реализации данной стратегии, что вызывало негативную реакцию официального Вашингтона. «Из всех существующих на данный момент государств-спонсоров (терроризма. – А.С.) Иран представляет собой главную проблему, с которой мы столкнулись. Поддержка Ираном тер-

ролизма включает в себя угрозу убийства британского автора Салмана Рушди, продолжаемую Тегераном кампанию по убийствам иранских диссидентов за границей и поддержку групп, которые выступают против ближневосточного мирного процесса» (15), – заявлял координатор антитеррористической политики при государственном департаменте Л. Поуп.

Заявление американского дипломата выделило аспект, особо характерный для подхода администрации Клинтона: режим характеризовался как «террористический» также в том случае, когда он посредством ликвидации представителей зарубежной оппозиции пресекал возможность проникновения либеральных, выступающих за радикальные изменения характера иранской власти, прозападных сил в руководящие структуры ИРИ. Иными словами, препятствовал процессу «либерализации», то есть намерению Белого дома видеть во главе этого государства лояльные Вашингтону элементы. Данный вывод также подтверждает преимущественно политическую окраску претензий Вашингтона к Тегерану.

В тесной увязке с иранской политикой «экспорта революции» Белый дом рассматривал стремление властей ИРИ модернизировать свои вооружения. Для Вашингтона укрепившийся в военном отношении Иран, но действующий без должного политического контроля со стороны США, представлял бы реальную проблему и угрозу американским интересам в регионе. Внешнеполитический курс ИРИ одним из своих направлений предполагал оказание военной помощи, в том числе оружием и военной техникой, тем мусульманским странам региона, которые положительно относятся к иранской модели исламской революции (16).

К тому же, наращивая военно-промышленный потенциал в соответствии с принятой в начале 1990-х гг. долгосрочной программой перевооружения армии и Корпуса стражей Исламской революции (КСИР), Иран мог дать отпор в случае прямой агрессии со стороны США и Израиля. Это же, в свою очередь, лишало Вашингтон одного из факторов устрашения и сдерживания Ирана, поскольку в случае возникновения вооруженного конфликта американцы могли понести значительные потери, а жесткая риторика США при эффективной военной мощи ИРИ теряла свой смысл. Слова не могли перейти в конкретные действия.

В Белом доме полагали, что масштаб военных мероприятий выходит за необходимые для обеспечения самообороны рамки. По всей видимости, эти рамки были установлены американцами в период подготовки внешнеполитической стратегии США на основе определения Вашингтоном такого максимально допустимого уровня боеготовности и укомплектованности вооруженных сил ИРИ, когда США гарантированно смогут нанести поражение этой стране в случае открытого военного столкновения.

Дело в том, что национальная стратегия безопасности США концентрировалась на нескольких первостепенных задачах, решения которых президент Клинтон был намерен добиваться от своей администрации. Одна из таких задач была сформулирована как «укрепление американской безопасно-

сти». «Учитывая реалии эры, наступившей после окончания холодной войны, и новые угрозы, – говорилось в документе, – можно констатировать, что наши военные возможности организованы подходящим образом для того, чтобы обеспечить различные потребности нашей стратегии, включая способность совместно с региональными союзниками выиграть два практически одновременных важных региональных конфликта» (17).

Вполне вероятно, что под одним из таких важных региональных конфликтов подразумевалась война с Ираном, поскольку мы помним, что американцы рассматривали управляемую враждебным США режимом Исламскую республику в качестве одного из потенциальных агрессоров. В этой связи Белому дому необходимо было быть твердо уверенным, что уровень обороноспособности ИРИ не превысит максимально допустимую отметку, когда вооруженные силы США начнут нести значительные потери и испытывать трудности с разгромом противника, чреватые переходом к затяжной войне. В том числе и поэтому администрация Клинтона проявляла повышенное беспокойство деятельностью иранских властей по укреплению оборонного потенциала своей страны.

К тому же темпы, взятые иранским руководством, по мнению Вашингтона, могли привести к тому, что фактически по инерции в Иране наметится стремление приобрести новые виды ОМП, в том числе и ядерное. «Иран утверждает, что его ядерная программа служит исключительно в мирных целях, но израильские и американские официальные лица опровергают это утверждение, заявляя, что Тегеран тратит значительные суммы на вооружение, покупая ядерные технологии, прежде чем разработать свои собственные» (18), – отмечалось в американской прессе.

В этой связи уместно подчеркнуть важность ядерной программы ИРИ и теоретической возможности овладения технологией создания «исламской атомной бомбы» как противовеса попыткам установления Соединенными Штатами «мира по-американски». Обладание оружием подобного рода позволяло бы Ирану более уверенно реализовывать положения доктрины «хомейнизма», составной частью которой являлась концепция «третьего пути». Учитывая факт крушения социалистической системы, данная концепция представляла собой альтернативу американской концепции мироустройства. Противодействие предполагаемому стремлению Ирана овладеть технологиями для производства ядерного ОМП, таким образом, стало одним из ключевых элементов иранского направления американской внешней политики.

Однако администрация Клинтона не игнорировала имевшиеся сферы двухстороннего взаимодействия. К примеру, в начале президентства Клинтона опосредованно, но достаточно интенсивно развивались торгово-экономические связи между Тегераном и Вашингтоном. Это дало повод некоторым отечественным исследователям охарактеризовать этот этап взаимоотношений двух государств как период политики двойных стандартов (19). Иными словами, при откровенно враждебных официальных политических отношениях наблюдалось активное взаимодействие в сфере экономики и торговли.

Ко всему прочему, в условиях эмбарго, наложенного правительством США, вместо официальных появились скрытые каналы частных американских фирм и компаний, продающих военную продукцию и технологию в Иран (20). У Белого дома имелись основания не препятствовать неофициальным поставкам. Модернизация Тегераном своих вооруженных сил и оснащение их оружием неамериканского производства (например, российским или европейским) сводили на нет хоть и опосредованное, но ощутимое влияние США на процесс формирования военного потенциала ИРИ. Кроме того, переориентирование иранской стороны на иные источники вооружения лишали Вашингтон, пусть и в отдаленной, стратегической перспективе, одного из крупнейших на Ближнем и Среднем Востоке рынков сбыта своей военной продукции. Поэтому американцам стоило сохранять имеющиеся связи с военным рынком Ирана, пусть и не такие обширные, как раньше. В случае прихода к власти в ИРИ либеральных сил (чего США в перспективе ожидали, поддерживая процесс «либерализации»), эти связи можно было бы развить до более высокого уровня.

К тому же скрытые деловые контакты могли выполнять и дипломатические функции посреднических каналов, с помощью которых могли обсуждаться конкретные вопросы по различным аспектам отношений между США и ИРИ, укрепляя в них элемент стабильности.

Отмеченные факты американо-иранского взаимодействия могли рассматриваться администрацией Клинтона как составная часть политики «сдерживания» Ирана, поскольку Тегеран не мог не замечать тех выгод, в первую очередь экономического характера, которые такое взаимодействие ему предоставляло. В результате правительство ИРИ, так или иначе, было вынуждено учитывать данный фактор и действовать более сдержанно.

В контексте политики «двойных стандартов» стоит рассматривать поиск администрацией Клинтона тактических выгод от взаимодействия с Ираном, в связи с чем Белый дом мог несколько отклониться от государственных принципов и добиться с помощью ИРИ продвижения на приоритетных направлениях своей внешней политики. Именно в данном ключе можно рассматривать решение администрации Клинтона позволить Ирану осуществить тайные оружейные поставки в Боснию (21) для помощи мусульманам в войне с сербами. Такой ход Белого дома можно расценивать также как своеобразный политический маневр, демонстрацию гибкости американцев, намерение перенаправить усилия теократического режима ИРИ по организации «экспорта» революции в выгодное для США русло. Потенциал Ирана можно было задействовать и в вопросе ближневосточного урегулирования – проблемы, которую ставили в центр своей региональной политики все послевоенные администрации США.

В политических кругах США наблюдалось расхождение оценок о степени опасности, исходящей от ИРИ. Белый дом был склонен придерживаться более гибкой позиции. Конгресс же, где вопрос отношений с Ираном носил более политизированный, «закостенелый» характер, выступал сторонником

более жесткого подхода, в частности по вопросу о нераспространении ядерных технологий и вооружений. Это во многом было связано с тем, что на промежуточных выборах 1994 г. демократы потерпели серьезное поражение, и специалисты отмечали, что расстановка сил складывается неблагоприятно для Клинтона. «Сейчас, – писал А.Ю. Абрамов, – есть большая вероятность того, что республиканцы войдут в коалицию с консервативными демократами против традиционно либеральных сил в конгрессе, а это может повлечь за собой изменения в финансовой, социальной и, отчасти, внешней политике США» (22). Последнее стало проявляться достаточно заметно в контексте американо-иранских отношений. Выборы ослабили политические позиции президента Клинтона, существенно пострадал его имидж лидера (23).

Конгресс США предпринял ряд законодательных инициатив, предполагающих введение санкций в отношении других государств и имеющих целью не допустить получения продавцами коммерческой выгоды от торговли компонентами ОМП. Причем законодатели стремились добиться их реализации исполнительной властью. Администрация Клинтона использовала некоторые виды санкций, принятые на Капитолийском холме, однако применяла их нечасто, опасаясь испортить отношения с некоторыми странами – союзницами Вашингтона.

Стратегия Белого дома в борьбе с распространением сводилась к политике «вовлечения»: «борьба против распространения наиболее эффективна, если объединить усилия». Конгресс же настаивал на применении законодательства по санкциям и отмечал (по словам конгрессмена Гилмана), что «диалог не может заменить серьезные и конкретные меры, включающие наложение санкций» (24).

Приверженность администрации Клинтона политике «вовлечения» демонстрировала ее склонность к многостороннему подходу, о котором неоднократно упоминали в государственном департаменте США.

Применение Вашингтоном всеобъемлющих санкций, касающихся европейских союзников и России (а именно против компаний этих государств Конгресс предполагал ввести санкции) могло сыграть негативную роль для намерений Белого дома сформировать единую политическую линию в отношении Ирана для того, чтобы совместно, но при лидирующей роли США, противостоять исходящим от режима этого государства угрозам. К односторонним действиям администрация Клинтона не стремилась. Поэтому объявление президентом Клинтонем, с оглядкой на политиков из Всемирного Еврейского Конгресса, о согласии ввести полное эмбарго в отношении Ирана стоит рассматривать в качестве намерения перехватить инициативу у американских законодателей, на словах согласившись с их жестким подходом, но впоследствии уже намереваясь действовать по собственному усмотрению. «Это действие, – по мнению З. Бжезинского, Б. Скаукрофта и Р. Мерфи, – достигло своего внутреннего эффекта в США, но только временно. В конце 1995 г. нарастало давление со стороны республиканцев в Конгрессе, ини-

цированное спикером Палаты представителей республиканцем Ньютом Гингричем и призывавшее к скрытым акциям против иранского режима, а также в прошлом (1996. – *A.C.*) году был принят Закон о санкциях в отношении Ирана и Ливии, который президент подписал» (25).

Администрация Клинтона, таким образом, была вынуждена уступить давлению Конгресса. Это был тактически оправданный ход. Излишняя конфронтация с законодателями в данных обстоятельствах была неоправданна. В конечном счете такая политика оказалась в целом выигрышной для администрации, умело разыгравшей «иранскую карту» в совокупности с другими странами «серой зоны» (Китай, Сербия, Ирак). «Демонстративная жесткость, предупреждения и угрозы в адрес этих стран вызвали одобрение большей части электората. Отчасти они свидетельствовали, что администрация в главном правильно оценивала настроения тех американцев, которые на волне ликования по поводу “победы” в холодной войне преисполнились решимости покончить со всем “злом” в мире, наказать всех “преступников” и освободить всех “угнетенных”» (26), – отмечал В.А. Кременюк.

К президентским выборам 1996 г. в США добиться изменения характера иранской политики Вашингтону не удалось. Американцы следовали политике «сдерживания», пресекая любые попытки ИРИ активизировать действия по укреплению своих позиций в регионе. Причем «сдерживание» носило всеобъемлющий, комплексный характер. Даже экономические контакты, налаживание связей с соседями, попытки участия в различных тендерах на разработку полезных ископаемых или строительство путепроводов для транспортировки энергоресурсов наталкивались на противодействие Вашингтона, вызванное якобы стремлением американцев поддержать политику Турции по отношению к советскому «восточному» наследству. На деле это стремление являлось удобным прикрытием для усилий Вашингтона по недопущению возрастания влияния Тегерана на процесс добычи и транспортировки энергоресурсов вне американского контроля, в то время пока у власти находится враждебный режим. США обвинили Иран в том, что он якобы намерен вместе с Туркменией, Казахстаном и Узбекистаном создать вторую ОПЕК, чтобы регулировать продажу нефти и газа странам Запада. Иранские фундаменталисты были вновь обвинены в террористической деятельности (27), что лишь подчеркивает преимущественно политический окрас подобных обвинений.

На Капитолийском холме были решительнее настроены в отношении ИРИ и считали экономические санкции наиболее предпочтительным средством «сдерживания» Тегерана от «агрессивных» намерений. Американские законодатели продолжали требовать от исполнительной власти более жесткого подхода, Особенно в те моменты, когда на Капитолийском холме наблюдали, как либеральные инициативы администрации Клинтона заканчивались безрезультатно. В Белом доме проводили более гибкую политику, не забывая и об определенных стимулах, в том числе предоставляемых через

неофициальные деловые контакты, несмотря на общее ужесточение позиции в преддверии президентских выборов 1996 г. в США. Активным сторонником такой политики «кнута и пряника» была М. Олбрайт.

Именно сочетанием всех этих факторов была обусловлена «половинчатость» мероприятий, осуществлявшихся Белым домом в отношении Ирана и его режима. Прорыв в каком-либо одном направлении мог бы вызвать негативную реакцию тех политических сил внутри США и на международной арене, а также в Иране, которые были не согласны с достигнутыми результатами, считая, что их интересы были в определенной степени ущемлены.

Несмотря на демонстрируемое желание сотрудничать с Ираном в новых международных условиях, обозначившихся после окончания «холодной войны», в Белом доме доминировало стремление подчинить себе иранский режим для того, чтобы он действовал в интересах Вашингтона. Предполагалось обеспечить непоколебимость в регионе Персидского залива позиций США, «заморозив» развитие Ирана, сохранив его потенциал как влиятельного регионального государства на приемлемом для американцев уровне, чтобы у теократического режима не оставалось сил и ресурсов для деструктивной деятельности. В полной мере эта линия оформится к 1996 г., но определенные элементы в той или иной степени присутствовали в политике администрации Клинтона на протяжении всего первого срока пребывания у власти. В Иране это осознавали, чем и объясняется неуступчивость руководства этой страны в политических вопросах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Kupreev A.A.* Политика США на Ближнем Востоке в 1990-е гг. (стратегия администрации Б. Клинтона). – М., 2007. – С. 248.
- (2) *Shirley E.G.* Is Iran's Present Algeria's Future? // *Foreign Affairs*. – 1995. – May/June. – Vol. 74. – № 3. – P. 30.
- (3) Remarks to the 48th Session of the United Nations General Assembly in New York City. – 1993, September 27 // *Public Papers of the Presidents: William J. Clinton*. – 1993. – Book II // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=47119&st=UN&st1=>
- (4) Interview with Dan Rather of CBS News. – 1993, March 24 // *Public Papers of the Presidents of the United States: William J. Clinton*. – 1993. – Book I // <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=46370&st=Iran&st1=>
- (5) *Shirley E.G.* Is Iran's Present... – P. 35.
- (6) *Kupreev A.A.* Политика США... – С. 252.
- (7) Secretary Christopher. US Commitment to the Middle East Peace Process. Address before the American-Arab Anti-Discrimination Committee. – Arlington, Virginia, 1993, April 23 // *US Department of State Dispatch*. – 1993. – May, 3. – Vol. 4. – № 18. – P. 310.
- (8) *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – С. 415.
- (9) *Amuzegar J.* Adjusting to Sanctions // *Foreign Affairs*. – 1997. – May/June. – Vol. 76. – № 3. – P. 31.
- (10) *Кременюк В.А.* Внешняя политика администрации Клинтона: на новый срок со старым багажом // *США: экономика, политика, идеология*. – 1997, май. – № 5. – С. 31.

- (11) Кто угрожает Америке. Заметки бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси // Эфир радио «Свобода» от 31 июля 2002 г. // <http://archive.svoboda.org/programs/ep/2002/ep.073102.asp>
- (12) Там же.
- (13) См.: *Кулагина Л.М.* Основные направления внешней политики ИРИ на современном этапе // *Ближний Восток и современность*. – М., 1996. – Вып. 2. – С. 171.
- (14) *Ушаков В.А.* Иранская внешняя политика накануне XXI века // *Ближний Восток и современность*: Сб. ст. / Отв. ред. В.А. Исаев, А.О. Филоник. – М., 1998. – С. 231.
- (15) *Pope L.* Department's efforts to Combat International Terrorism. Statement before the Senate Judiciary Committee. – Washington, DC, 1993, April 21 // *US Department of State Dispatch*. – 1993, April 26. – Vol. 4. – № 17. – P. 300.
- (16) *Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н.* Гонка вооружений продолжается // *Азия и Африка сегодня*. – 1995. – № 11. – С. 42.
- (17) A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House. February 1995. – P. 7. <http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy.htm>
- (18) *The New York Times*. – 1995. – January 10 // <http://www.nytimes.com/1995/01/10/world/us-and-israel-see-iranians-many-years-from-a-bomb.html>
- (19) См.: *Ушаков В.А.* Внешняя политика Исламской Республики Иран после революции 1978 – 1979 гг. Дисс. ... д.и.н. – М., 1997. – С. 267.
- (20) *Багдасаров С.Б., Чавушьян А.Н.* Гонка вооружений продолжается... – С. 38.
- (21) См.: *Atuzegar J.* Op. cit. – P. 37.
- (22) *Абрамов Ю.К.* Расстановка политических сил в США после выборов // *США: экономика, политика, идеология*. – 1995, май. – № 5. – С. 52.
- (23) Там же. – С. 56.
- (24) См.: *Лукьянова А.* Санкции по нераспространению во внешней политике США // *Экспорт вооружений*. – 2006 (ноябрь–декабрь). – № 6 // http://www.cast.ru/journal/2006/6_nov_dec_01/
- (25) *Brzezinski Z., Scowcroft B., Murphy R.* Differentiated Containment // *Foreign Affairs*. – 1997. – May/June. – Vol. 76. – № 3. – P. 23.
- (26) *Кременюк В.А.* Внешняя политика... – С. 26.
- (27) *Старченко Г.И.* Новосуверенные «мусульманские» республики: лавина проблем // *Азия и Африка сегодня*. – 1993. – № 7. – С. 11.

FORMING AND REALIZATION OF US POLITICS TOWARDS ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN IN 1993–1996

A. Safonov

World History Chair
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya Str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article contains an analysis of the first Clinton administration's political line towards IRI. The author discloses conceptual foundation of US approach, logic and character of american-iranian relations in the situation of globalization and formation of unipolar world after the ending of the Cold War.

Key words: USA, Islamic republic of Iran, politics of containment, theocratic regime, liberalization, Iran's nuclear program, export of revolution.